

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА

(Автореферат)

В 1952 г. действительным членом Академии наук УССР Л. А. Булаховским написана новая работа — «Вопросы происхождения украинского языка» (ок. 15 печ. л.). В работу входят главы: «О происхождении современного украинского литературного языка на основе полтавско-киевского диалекта»; «О возникновении западноукраинской литературно-языковой разновидности»; «О языке актовой письменности XIV—XV вв.»; «О наличии фонетических, грамматических и лексических черт будущего украинского языка и о времени их отражения в памятниках старорусской письменности»; «О языке древнейшей Киевщины»; «О месте украинского языка среди славянских и, в частности, среди восточнославянских языков»; «О процессах распада восточнославянского единства и формировании украинской народности» и др.

Основные положения работы автором сформулированы следующим образом.

1. Украинский литературный язык того фонетического, грамматического и лексического типа, который лежит в основе современного украинского языка, сложился на базе полтавско-киевского (юго-восточного) диалекта в конце XVIII и в первых десятилетиях XIX в. Основоположники его — полтавец И. П. Котляревский и уроженец Звенигородщины Т. Г. Шевченко. Государственное значение этот язык приобрел только со времени Великой Октябрьской социалистической революции.

2. Западные особенности украинского языка (в Галиции и Буковине), которые сложились приблизительно в то же время, что и украинский национальный литературный язык, остались по политическим условиям жизни западных украинцев лишь в узком областном употреблении и не имели перспектив развития в общенациональный язык украинского народа. С воссоединением Западной Украины с Восточной (советской) эти особенности быстро растворились в национальном украинском языке, основой которого является полтавско-киевское наречие.

3. В важнейших особенностях белорусско-украинской письменности, деловые (актовые) памятники которой дошли до нас с конца XIV в., обнаруживаются известные черты более ранней связи как с деловой старорусской письменностью, так и с грамотами, относящимися к территории западнорусских (западно-восточнорусских) племен, из которых позже образовалась белорусская народность. Таким образом, зачатки этой письменности следует считать хронологически предшествующими времени памятников, которыми мы располагаем.

4. Одним из условий, благоприятствовавших созданию общей белорусско-украинской письменности, была, надо думать, давняя близость языка некоторых западнорусских (западно-восточнославянских) племен к языку южнорусских (юго-восточнославянских) племен, ставших позже основой украинской народности.

5. Старорусский (древнерусский, древневосточнославянский) письменный язык в его разных жанрах, в большей или меньшей степени зависящих от старославянского (древнеболгарского) языка, сравнительно долгое время (с X до XIII—XIV вв.) являлся общим письменным языком всех восточнославянских племен (народностей). Диалектные черты в этом письменном языке, в том числе такие, которые дают основание усматривать в них признаки близкого родства с теперешним украинским, в своем большинстве спорны, но вместе с тем в своей совокупности достаточны, чтобы утверждать, что в этом старорусском письменном языке имеются некоторые специфические особенности будущего украинского языка.

6. Языки русский, белорусский и украинский со сравнительно-исторической точки зрения представляют общность, которая может быть противопоставлена по признакам, сложившимся, вероятно, в IX—X вв., общностям, сложившимся в пределах других славянских языковых групп. Основные доказательства этого положения

строятся на вполне определенных данных фонетики (полногласие, рефлексация древнейших славянских групп *ьrt, *ьri, *ьtl, особенно *ьll и т. д.). Что касается морфологии, то, повидимому, восточнославянские языки в период своей относительно тесной общности еще не успели выработать каких-либо четких отличительных признаков морфологического характера сравнительно с другими славянскими группами, ближайшую связь с которыми они уже порвали.

Можно указать лишь некоторые восточнославянские морфемы: *-ь* — как окончание родительного единственного и именительного-винительного множественного числа, соответствующее окончанию *ь* в тех же падежах в старославянском языке и определенным рефлексам этого *ь* в южнославянских языках; *a* — как окончание именительного падежа единственного числа причастий настоящего времени действительного залога мужского рода от глаголов класса *e/o* и атематического и т. д. Наличие этих морфем не создает достаточно определенной характеристики именно восточнославянского морфологического строя, поскольку и западнославянские языки, например, имеют и имели как соответствующие окончания существительных, являющиеся рефлексом *ь*, а не носового *e*, так и окончание *-a* в указанных формах причастий, которое выступает, кроме восточнославянских, также в чешском языке, и т. д. Однако все попытки доказать существование старых говоров, переходных от восточнославянских к другим славянским, неубедительны и не способны опровергнуть значение связи между восточнославянскими языками. Эта связь восточнославянских языков основана на их исходном единстве сравнительно с другими славянскими языками, родство которых с группой «русских» языков более отдалено и подверглось более раннему разрыву.

7. Процесс распадаения бывшего восточнославянского единства, в результате которого выделились говоры-предки украинского языка, по состоянию имеющихся данных не может быть охарактеризован полно и точно. Ясно, однако, что некоторые время говоры-предки теперешнего белорусского языка образовывали с говорами-предками украинского языка относительно общность, может быть, говоря точнее, находились в тесной связи. Эта относительная связь (независимо от времени, когда именно она установилась) существовала, повидимому, еще в XIII в. Определенное ослабление ее в живом языке произошло в более позднее время и вызвало было, в первую очередь, трагическими, главным образом для украинской народности, событиями (монголо-татарское нашествие и его последствия), которые в большой степени обособили массы южнорусской народности от западнорусского массива. Однако вероятно, что отдельные группы «белорусских» и «украинских» говоров, в зависимости от особых для них условий, продолжали свой контакт и в позднейшее время без заметного отхода от бывшего единства.

Появление в языке юго-западной «общности» (в условном значении этого понятия) черт будущего украинского языка, равно как и последующее формирование «украинского языка» представляет длительный и сложный процесс, который нельзя приурочить к определенному историческому моменту. Он совершался, проявляясь в отдельных сторонах фонетики, морфологии и т. д., хронологически не параллельно. Время интенсивного формирования языковых особенностей украинского типа в фонетике приходится главным образом на период после падения редуцированных гласных, т. е. на XII в., когда вследствие удлинения перед бывшим *ь* в закрытых слогах гласного *e* в них возникли специфические рефлексы дифтонгического характера. Совокупность черт, сближающих южнорусские (юго-восточнорусские) говоры старого типа с современными украинскими, как она отражена в некоторых памятниках XIII в. со старославянской книжной основой, не оставляет места сомнениям, что в это время диалектная дифференциация старорусского (старовосточнославянского) языка пошла далеко и будущий украинский язык получил уже достаточно выраженное своеобразие.

Относительно главных, по определению И. В. Сталина, признаков языка — основного словарного фонда и грамматического строя — следует предположить, что специфические украинские особенности этого порядка в письменности обнаружались, вероятно, значительно позднее, чем они возникли в живом речевом употреблении. Здесь приходится учитывать некоторые традиционные моменты канцелярского языка, в который элементы живой речи проникают значительно позднее. По отношению к лексике следует также иметь в виду естественную медленность создания специфического основного словарного фонда отдельных ветвей восточного славянства. Специфические особенности украинской флексии выступают уже в грамотах XIV в., хотя и не очень часто и непосредственно сравнительно с русскими, но уже довольно заметно (см., например, распространение окончания *-ови* в дательном падеже единственного числа имен существительных мужского рода или *-мо* в 1-м лице множественного числа глаголов настоящего-будущего времени изъявительного наклонения). Таким образом, учитывая различные языковые черты, как они выступают в грамотах, можно и для письменного языка XIV в. говорить о наличии уже в это время украинского языка (независимо от его названия), достаточно определенно засвидетельствованного памятниками.

§ 8. Немногочисленные, но выразительные особенности украинского ударения (ударение на флексии в формах множественного числа типа *жінки*, *молитви*, *писні*; ударение имен прилагательных на *-ий*, *-а*, *-е* и др.) отражены только в памятниках довольно

позднего времени. Различия, существующие в этом отношении и между современными говорами, показательны для медленности распространения соответствующих тенденций, полностью еще не осуществившихся даже в наше время. При рассмотрении этого вопроса прямые свидетельства памятников о том, когда же можно констатировать обнаружение в литературном языке юго-восточнославянских («украинских») черт ударения, следует привести в соответствие с соображениями, основанными на сравнительно-исторических данных по этому же вопросу. Свидетельства памятников убеждают, что отдельные черты украинской акцентуации отражены уже в церковных источниках XVI в. Весьма определенные черты зависимости некоторых украинских акцентных явлений от древнейших славянских (рефлексация $o > i$ или y во втором закрытом слоге полногласия в соответствии древнейшей новоакутовой интонации) дают право предпологать возникновение этих черт в их специфическом выражении уже в очень давнее время.

9. Народный (нелитературный) украинский синтаксис в своих основах представляет общевосточнославянский тип без каких-либо древних индивидуальных особенностей, которые можно было бы определенно противопоставить, например, русскому типу. Таким образом, нет, собственно, и вопроса о времени возникновения архаических особенностей украинского синтаксиса. То, что касается, например, мнимых остатков древнего оборота «дательный самостоятельный», очень спорно и не дает права строить на этом материале какие-либо серьезные выводы. Некоторые вопросы о возникновении индивидуальных особенностей украинского письменного и разговорного синтаксиса в сравнении со старорусскими должны быть рассмотрены отдельно. По отношению к синтаксису, например, старорусской летописи или древнейших грамот памятники юго-восточнославянского происхождения принципиально не отличаются от северо- и восточно-восточнославянских (новая заметная черта — «именительный с инфинитивом» — представляет особенность как раз последних); в этом отношении характерны, в частности, некоторые особенности порядка слов. Здесь книжный юго- (и западно-) «украинский» язык XIX в., несомненно, имеет такие же права наследника письменного старорусского языка, как и памятники северно- и восточнорусские. Позднее дает о себе знать, далее все усиливаясь, иноязычное (польско-латинское) синтаксическое влияние, но оно легко отслаивается и легко поддается учету именно как позднейшее. Новейший разговорный и книжно-литературный украинский синтаксис представляет уже, несомненно, значительные отклонения от древнерусского и, как можно судить по многим признакам, обязан своими индивидуальными (сравнительно с русским) чертами отчасти довольно интенсивному действию аналогии на украинской почве, отчасти (в меньшей степени) перенесению польских конструкций. Больше всего из таких конструкций обращают на себя внимание различия в предложном управлении имен. Образование всех этих черт почти полностью относится к историческому времени и может быть поставлено в один ряд с вопросом о происхождении определенных фонетических признаков устного украинского языка.

10. Лишь относительное значение при разрешении проблемы происхождения украинского языка имеет вопрос о своеобразии украинской л е к с и к и. Эта область языка, сравнительно быстро изменяющаяся «... в связи с изменениями социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки и т. п.»¹, отразила многочисленные наслоения исторического времени: заимствования (из славянских языков — главным образом из польского), новообразования — преимущественно возникающие в результате развития новых понятий и их оттенков. Процесс новообразований идет на базе интенсивного формирования новых слов из основного словарного фонда при помощи морфологических средств данного языка. Вероятно при этом и большое число словарных образований эмоционально-аффективного происхождения без прямых связей с основным лексическим фондом и исходными словообразовательными приметами.

Условия исторически очень беспокойной национальной жизни привели к тому, что вообще современная украинская лексика значительно отошла от древней славянской, отраженной в памятниках Киевской Руси, отошла несколько более, нежели диалектная русская. Однако на украинской языковой почве сохранено известное количество лексических архаизмов, которые нужно признать прямым наследством Киевской Руси, утраченным в двух других близкородственных языках.

11. Специальный вопрос, в какой степени уже в памятниках, вероятно, списанных со старославянских оригиналов в Киеве домонгольского времени, отражены юго-восточнославянские черты, — пока еще не может быть решен с полной категоричностью по причине ограниченности и отчасти неопределенности (возможности различного толкования) соответствующего материала. Но совокупность данных и наиболее правдоподобное истолкование их ведет, скорее, к выводу, что киевские памятники домонгольского происхождения написаны писцами, родным языком которых был старорусский с южными диалектными чертами, еще немногочисленными и, кроме того, слабо проявляющимися в этих, в общем старославянских, памятниках.

¹ И. С т а л и п, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 25.

Гипотезы Погодина — Соболевского о «великорусском» населении древнего Киева и Киевщины языковыми фактами не подтверждаются.

12. Еще даже в XIII в. расхождение между языками восточного славянства не было настолько окончательным, чтобы некоторые особенности (и, подавно, отдельные слова), возникавшие в одних говорах восточного славянства, не проникали в другие. Отделение восточнославянских языков друг от друга было длительным и сложным процессом изменения их живой основы, процессом, время от времени перебравшимся, в силу разных исторических причин, тенденциями к н о в о м у с б л и ж е н и ю. Из исторических фактов первостепенного в этом отношении значения надо указать прежде всего на воссоединение Украины с Россией в 1654 г., которое соответствовало давним стремлениям украинского народа, на последствия второго и третьего разделов Польши XVIII в. (возвращение Правобережной Украины в 1793 г. и Западной Волыни в 1795 г.), на создание после Великой Октябрьской социалистической революции Советского государства и на воссоединение украинских земель в Советском Союзе в 1939 г. Хотя сближение между собою трех восточнославянских языков никогда не приобретало такого характера, чтобы мог осуществиться решительный поворот к былому исходному единству этих языков, однако потомки восточнославянских племен и позже народностей никогда не забывали того, что они в прошлом братские племена и народности.

Восточнославянские народы, среди них и украинский, создали для передачи своих мыслей и чувств свои письменные языки, которые постепенно (раньше других — русский, наиболее поздно — белорусский) стали н а ц и о н а л ь н ы м и языками, достигающими наибольшего расцвета в эпоху социализма.

Структура восточнославянских языков и их состав заключают в себе, конечно, много различного, но те исторические процессы, участниками и свидетелями которых мы являемся, ставят нас перед знаменательным явлением нового сближения этих языков. Различные по форме, эти языки в СССР — стране братского единения народов и языков — действуют как могучее средство создания общей идеологии и единой высокой социалистической культуры.

СЕРЬЕЗНЫЕ ОШИБКИ В ДИССЕРТАЦИЯХ ПО ЯЗЫКОЗНАНИЮ

Лингвистическая дискуссия и исторические выступления И. В. Сталина по вопросам языкознания ознаменовали новый этап в развитии советской науки о языке. Длительное господство последователей Марра в органах языкознания нанесло огромный вред делу подготовки языковедческих кадров. Молодые языковеды, прошедшие курс аспирантуры, усваивали немарксистские положения «нового учения» о языке; очень часто им прививали порочные методы лингвистического исследования, презрение к языковым фактам, к глубокому изучению конкретного языка; господство режима, не свойственного науке и людям науки, вынуждало иногда молодых специалистов «подгонять» к теории Марра выводы и обобщения, добытые ими при исследовании языкового материала; в среде языковедов насаждались чуждые духу советской науки беспринципность, боязнь критики, привычка к скороспелым вульгарно-социологическим обобщениям¹.

В ходе перестройки теоретических и организационных основ советского языкознания сделано очень много и по улучшению подготовки лингвистических кадров. Пересмотр тематики диссертаций сопровождался серьезной работой аспирантов по овладению сталинской теорией общего языкознания. Основное внимание аспирантов было обращено на изучение актуальных вопросов теории и истории языков народов Советского Союза и зарубежных стран. Среди учащейся молодежи повысился интерес к вопросам языкознания, что позволило улучшить комплектование аспирантского состава.

В последние годы увеличилось число докторских лингвистических диссертаций, написанных на актуальные темы. Среди них следует отметить следующие: С. И. К о т к о в, «Говоры Орловской области (фонетика и морфология)», В. П. С у х о т и н, «Синтаксис прозы М. Ю. Лермонтова», И. К. Б е л о д е д, «Вопросы развития языка украинской советской художественной прозы (преимущественно послевоенного периода, 1945—1950 гг.)», Г. Б. М у р к е л и н с к и й, «Очерк грамматики лакского языка», А. А. Б е л е ц к и й, «Принципы этимологических исследований (на материале греческого языка)» и др. Наука о русском литературном языке обогатилась диссертациями В. И. Б о р к о в с к о г о «Синтаксис древнерусских грамот», А. И. Е ф и м о в а «Лексика и фразеология произведений Салтыкова-Щедрина 40—60-х годов»,

¹ Уместно отметить, что кандидатская диссертация автора настоящей заметки «Категория личности и неличности в словацком языке» (Моск. ун-т, 1949) также грешит некритическим отношением к отдельным положениям «нового учения» о языке.